

2.7. “Крещение княгини Ольги в 955 (6463) г.”

2.7.1. Текстология и состав летописной статьи.

“Крещение...” восходит к одному из древнейших текстологических пластов летописи. Летописная статья за 955 г. реконструируется в составе Начального свода: параллельный текст читается в Новгородской первой летописи [Творогов 1976, с. 23].

А.А. Шахматов считал, что изначально, в составе Древнейшего свода, летописный рассказ состоял только из “духовных элементов”. Этот рассказ составитель Начального свода извлек из “Повести о крещении и кончине Ольги” наряду с известием о кончине Ольги и дополнил тремя вставками: 1)

предложение цесаря и требование Ольги, чтобы он крестил ее сам; 2) повторное предложение цесаря и ответ Ольги, цесарь называет ее крестной дочерью и отпускает с дарами; 3) прибытие посольства в Киев и ответ Ольги [Шахматов 2001-б, с. 86]. Согласно представлениям А.А. Шахматова, в Древнейшем своде этот летописный рассказ являлся первой хронологической датой [Шахматов 2001-б, с. 90]. Кроме того, А.А. Шахматов обратил внимание, что летописная статья распространена заимствованиями из Паремейника (Притч 1: 20 – 22, Притч. XIII – 20, Притч.: II: 2 и Притч. VIII: 17) и возвел вставку к работе составителя Начального свода [Шахматов 2001-б, с. 87 – 88].

Д.С. Лихачевым была разработана гипотеза, согласно которой “Крещение...” восходит к внелетописному произведению, так называемому “Сказанию о распространении христианства на Руси” [Лихачев 1979]. По мнению Д.С. Лихачева, повествование изначально не имело хронологической канвы и стилистически было близко к житиям и произведениям учительской литературы (“Слово о законе и благодати” Иллариона). Д.С. Лихачевым предполагаемое “Сказание о распространении христианства...” было определено как “ядро” последующего повествования: “церковные сказания составляют как бы одно целое..., а слой устных преданий лишь прикреплен к ним и не может составлять самостоятельного произведения...” [Лихачев 1979].

Тот факт, что летописная статья подверглась неоднократной редакторской правке и совмещает элементы “церковных сказаний о первых русских христианах” и “народные предания о первых русских князьях-язычниках”, а также обнаруживает идейное и стилистическое единство с повествованием о крещении Руси Владимиром [Гиппиус 2001, с.166, 178], не вызывает сомнений, однако трактовка этого пласта как первичного остается дискуссионной.

Так, А.Г. Кузьминым [Кузьмин 1977, с. 334 - 341], а затем Л. Мюллером церковно-агиографические элементы были определены как вторичные по

отношению к легендарно-фольклорным, которые и “образуют содержательную канву рассказа” [Гиппиус 2002, с. 178].

В последнее время позиция А.Г. Кузьмина получила лингвистическое подтверждение и была уточнена А.А. Гиппиусом, который в ходе лингвотекстологического исследования ПВЛ по Лаврентьевской летописи обнаружил, что в тексте погодной статьи за 955 г. присутствуют более двух слоев, причем языковые признаки, квалифицируемые как вторичные, выступают в первоначальном (фольклорном) рассказе, который затем подвергся агиографической редакции [Гиппиус 2001, с. 178].

Итак, вслед за А.А. Гиппиусом “Крещение...” признаем вставкой в исходный текст, осложненный впоследствии вставками второго порядка.

2.7.2. Моделирование языковой личности.

При исследовании лексикона мы проанализировали частотную лексику в ЛЛ (одном из основных списков ПВЛ). Для исследования частотных доминант использовались программы Word Tabulator v2.2.1. [Word Tabulator] и TextAnalyst 2.0 [TextAnalyst]. В ходе анализа летописной статьи ПВЛ за 955 г. по ЛЛ нами рассмотрено 792 словоформ и выявлены следующие частотные доминанты: союзы **аще** (10) и **яко(же)** (10), свидетельствующие, что повествование “Крещения...” отлично от “Сказания о первых русских князьях”, где господствует паратаксис; летописная статья построена в диалогической форме, что проявляется в частотности личных местоимений: **мя** (9), **ти** (8)+**тобе** (2), **азъ** (5), и глаголов говорения: **глаголати** (6) + **рещи** (19). Действующими лицами являются **Вльга** (11), **патриархъ** (7) + **владыка** (1) и **цесарь** (7). Рассказ посвящен приятию Ольгой христианства: **крестити(ся)** + **крестъ** + **христиане** + **Христось** (17); **моудрость** (премоудрость) (7), **разумъ** (3) + **разумети** (5). Текст летописной статьи, для которой свойственны глаголы движения (**ити** (2), **прити** (6), **приходящи** (9)), осложнен библейской цитацией: **Боломонъ** (6). Значение крещения Ольги для древнерусского государства обыгрывается с помощью лексики родства: **мать** (6), **сынъ** (6), **родъ** (3), **Роусь** (4).

Н1Л содержит следы агиографической редакции, что проявляется в частотности вставных синтаксических признаков церковной литературы – **авиє** (4) и **паки** (4), а также множестве поясняющих вставок, в языковом отношении ориентированных на стандартный регистр языка.

Особенность моделирования тезауруса “Крещения...” заключается в том, что повествование осложнено многочисленными цитатами и аллюзиями из библейских источников, которые включают “Крещение...” в библейский контекст не только на уровне прямых отсылок к корпусу церковнославянских богословских текстов, но и на уровне “... языкового воспроизведения образца особого типа дискурса, присущего текстам определенного содержания и функциональной направленности, характеризуемого своеобразной топикой и словарем...” [Гиппиус 1998, с. 244]. И если прямые цитаты выделяются без особого труда, то библейские образы органичны в рамках дошедшего до нас в ПВЛ варианта “Крещения...”.

Тем не менее, с помощью синтагматической записи в повествовании вычленяется тезаурусная стратегия “сбор дани (в данном случае обретение дара христианской веры) и распространение власти русского князя”:

Ольга, подобно другим русским князьям отправляется в поход на Царьград: “**В лѣт.ѡ.ѡ.г Иде Ольга въ Греки...**”, однако “призом”, кроме многочисленных даров (“... и дасть и дары многи злато и сребро. паволоки и съсуды различны. и шпусти ю...”), выступает “бисер многоценный” христианской веры: “**блжная ольга. искаше мдрью. все въ свѣтѣ семь. налѣзе висеръ многоцѣнныхъ. же есть Хсѣ...**”. Пройдя испытания (очевидно стояние в Суду, как то реконструировали А.А. Шахматов и М.Д. Приселков, опираясь на чтение: “**отвѣщавши ольга. и ре^ч къ словѣ. аще т^м рыци такоже постоиши оу мене в Почаниѣ якоже азъ в Суду то тогда ти дамь. и отпусти слы съ рекъши**”), Ольга с победой возвращается “**въ своя си**”...

Часть летописной статьи со слов “живяше же **Вльга съ снмъ** своимъ **Свтославомъ**” представляет собой начало иного сюжета: судьба Святослава (и ее печальный итог...) на фоне жизненного примера его матери.

Эта часть сохраняет связь со стихией устных преданий и вместе с историческим анекдотом о “премудрой Ольге”, перехитрившей греческого цезаря, являются вставками (видимо, синхронными, о чем свидетельствуют подобие конструкций с **КАКО** и сходство в оформлении диалогов (экспликация субъекта и адресата речи: **азъ, ти, мя**). Внедрение исторического анекдота не противоречит повествовательному ядру, но, напротив, лишь усиливает противопоставление Руси и Византии: оппозиция **МЫ (Роусь) - ОНИ (Грѣки)**.

Фрагменты, традиционно реконструируемые как “народные”, выделимы лишь стилистически и образуют с нейтральными чтениями единую повествовательную канву, представляют собой событийные иллюстрации “победы” Ольги. То же относится и к ряду чтений, отсылающих к библейскому контексту.

С помощью программ “Цитата из Библии” [Цитата из Библии] и “Славянская библия” [Славянская библия] нами были сопоставлены чтения ПВЛ по ЛЛ и Н1Л и текстов Ветхого и Нового Заветов (по церковнославянскому и русскому переводам, а также Мариинскому Евангелию). При обращении к несомненно более поздним текстам перед нами стояла цель определить пласт библейских текстов, к которым отсылают цитаты, и выяснить характер цитирования.¹ При исследовании было выявлено, что библейские цитаты “Крещения...” образуют две различные группы.

Одна группа отсылок к библейским текстам представляет собой пословную цитацию из Притчей:

¹ Нет сомнений, что библейские цитаты попали в летописный текст через посредничество богослужебной и учительской литературы, своеобразных цитатных подборок, наподобие Изборников Святослава (многие из книг Канона были переведены лишь в XV в.[23]). Состав библейских чтений, доступных древнерусским книжникам, на сегодняшний день не определен и остается предметом дискуссии

ищущи бо мудрсти обрящють [ЛЛ, с. 62] и азъ любящая мя люблю. и ищущии мене обрящють мя [ЛЛ, с. 62] – ср.: азъ любящия мя люблю, ищущии же мене обрящутъ благодать (Прит.8:17);

прмдрость на исходищихъ поется. на путехъ же деръзновение водить. на краихъ же забральныхъ проповедаеть. во вратехъ же градныхъ. дерзаючи глть. елико бо летъ злобиви держатся по правду [ЛЛ, с. 62] – ср.: премудрость во исходехъ поется, в стогнахъ же дерзновение водит, на краехъ же стенъ проповедуется, у вратъ же сильныхъ приседит, во вратехъ же града дерзаючи глаголет: елико убо время незлобивии держатся правды... (Прит.1:20-22);

реч бо Солманъ желанье. блгврнхъ наслаженьи дшю... [ЛЛ, с. 62] – ср.: желанья благочестивыхъ наслаждаютъ дшю, дела же нечестивыхъ далече отъ разума (Прит.13:20);

и приложиши сердце твое в разумъ [ЛЛ, с. 62] – ср.: послушаетъ премудрости твое ухо, и приложиши сердце твое к разуму: приложиши же е в наказание сыну твоему (Прит.2:2);

реч бо Солманъ делатели нечестивыхъ делатель отъ разума [ЛЛ, с. 63] – ср.: желанья благочестивыхъ наслаждаютъ дшю, дела же нечестивыхъ далече отъ разума (Прит.13:20);

понеже звахъ вы и не послушасте мене. прострохъ словеса и не внимасте. но отметасте моя светы. моихъ же обличении не внимасте [ЛЛ, с. 63] – ср.: понеже звахъ, и не послушасте, и простирахъ словеса, и не внимасте, но отметасте моя советы и моимъ обличениемъ не внимасте: убо и азъ вашей погивели посмеюся, порадоюся же, егда придетъ вамъ пагуба (Прит.1:24-26);

възненавидеша бо прмдрсть. а страха Гсна не изволиша. Ни хотяху моихъ внимати светъ. подражаху же мои обличенья. [ЛЛ, с. 63] – ср.: возненавидеша бо премудрость, словесе же Господня не прияша: ниже

хотеша внимати моим советом, ругахуся же моим обличением (Прит.1:29 – 30);

Голоманъ во речъ кака и злыя приемлетъ себе досаженье обличая. нечствъ поречеть тебе. обличенья во нечствмъ мзолье сѣть. не обычай злыхъ да вовъзненавидить тебе. [ЛЛ, с. 64] – ср.: наказуяй злыя приметъ себе безчестие, обличая же нечестиваго порочна сотворитъ себе (обличения во нечестивому раны ему). не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тебе: обличай премудра, и возлюбитъ тя. даждь премудрому вину, и премудрейшии будетъ: сказуй праведному, и приложитъ примати. (Прит.9:7-9).

Приметой этой группы чтений является оформление прямой речи через формулу

$N_{Nom.} + V_{aорист\ sg.\ 3л}$, где N_{Nom} – Им. п. имени существительного, субъекта речи, а $V_{aорист\ sg.\ 3л}$ – форма 3л. глагола прошедшего времени (аорист). Такие чтения обнаруживают вставной характер (иллюстрируют “Крещение...” библейскими параллелями) и могут быть легко изъяты из текста. К этой же группе относим перечисление библейских сюжетов: “якоже схрани Еноха в первыя роды. и потомъ Ноя в ковчезе. Аврама от Авимелеха. Лота от Содомлянъ. Моисея от Фараона. Двда от Саула .г. отроци от пещи. Данила от зверии. тако и тя избавить. от неприязни. и от сетии его” [ЛЛ, с. 61].

Другая группа представляет собой подборку цитат из Нового Завета:

1) построенных по той же модели: и речъ птрархъ чадо верное во Крста крстилася еси и во Крста облечеся. Хсѣ имать схранити тя [ЛЛ, с. 61 – 62] – ср.:

25 пришедшии же вѣрѣ, оуже не под пѣствномъ есмы. 26 вси бо вы сынове вжїи есте вѣрою в хртѣ їисѣ. 27 елицы бо во хрта крстистесѧ, во хрта швлекостесѧ. 28 нѣсть їудей, ни еллинъ. нѣсть рабъ, ни свободъ. нѣсть мужескїи полъ, ни женскїи. вси бо вы едино есте в хртѣ

їисѣ. 29 аще ли вы хртѡвы, оубо авраамле сѣма есте, и по вѣтѡванїю наслѣдницы. (посланїе къ галатѡмъ 3:25-29);

Гсь речъ приходящая ко мнѣ не иженѹтъ вонѣ [ЛЛ, с. 62] – ср.: все, еже даетъ мнѣ оцъ, ко мнѣ прїдетъ. и градѹцаго ко мнѣ не изженѹ вонѣ (Ѡ їѡанна 6: 37);

2) вставленных в текст без оформления цитирования: невернымъ бо вера хреянська ѹродьство есть [ЛЛ, с. 63] – ср.: слово бо крестное погибающимъ оубо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила бжїа есть (посланїе 1 корїнѡнѡмъ 1 18); не смыслиша бо ни разумеша во тьме ходящии. и не ведятъ славы Гснѣя одовьлеша бо срца ихъ. ѹшюма тяжько слышати а очима видѣти [ЛЛ, с. 63] – ср.:

глагола. иди къ людемъ симъ и рцы. слѹхомъ оуслышите, и не имате разумѣти. и видѣще оузрите, и не имате видѣти. шдебелѣ бо сердце люден снхъ, и оушима тажкѡ слышаша, и очи свои смежиша. да не какѡ оувидатъ очима, и оушима оуслышатъ, и сердцемъ оуразумѣютъ, и шбратаѣтсѡ, и исцѣлю ихъ. (дѣянїа 28: 26 -28) или сегѡ ради въ притчахъ глаголю имъ, такѡ видѣще не видатъ, и слышаще не слышатъ, ни разумѣютъ. и свываетсѡ въ нихъ пррочество исайино, глаголющее. слѹхомъ оуслышите, и не имате разумѣти. и зраще оузрите, и не имате видѣти. штолстѣ бо сердце люден снхъ, и оушима тажкѡ слышаша, и очи свои смежиша, да не когда оузратъ очима, и оушима оуслышатъ, и сердцемъ оуразумѣютъ, и шбратаѣтсѡ, и исцѣлю ихъ. (Ѡ матѡеѡ 13: 13-15); он же ... не ведын. аще кто мтръ не послушаетъ. в бедѹ впадаетъ якоже реч. аще кто Оца ли мтре не послушаетъ. но смртъ приметъ. [ЛЛ, с. 63 – 64] – ср.: вгъ бо заповѣда, глагола. чти отца и матеръ. и. иже злословитъ отца или матеръ, смертїю да оумретъ. (Ѡ матѡеѡ 15:4).

3) библейских аллюзий, отсылающих к текстам стандартного регистра: “блгсна ты в женахъ”, “возлюби светъ. а тьмѹ остави”, “аки гѹба

напаяема”, “сеть неприязнена”, “налезе висеръ многоценьныхъ. еже есть Хссъ”, “слава Господня”.

Включением в “Крещение...” библейских образов актуализируется богословский контекст крещения Ольги. Так, в чтении: “**Отвещавши Ольга. и реч къ словъ. аще ты рьци такоже постоиши ꙗ менѣ в Почаине якоже азъ в Бюдѹ то тогда ти дамъ. и отпусти слы съ рекъши.**” [ЛЛ, с. 63] (ср. с крещением первой европейки Лидии (Деян. 16: 14-15)) – обыгрывается завет страннлюбия. Цезарь в недошедшем варианте “Крещения...” долго не принимал Ольгу, и она в ответе послам уже как христианка, равная ему, предлагает василевсу так же “погостить” у нее в Почаине, как и она в Суду. В этой библейской аллюзии, как и в фольклорных вставках, проявляется антигреческая интенция ряда чтений “Крещения...” (оппозиция МЫ (Роусь) - ОНИ (Грѣки)).

Принадлежность к иному историческому пласту обнаруживают выдержки из Притчей. Эти вставки направлены на противопоставление жизненного пути Ольги, обретшей спасение, и ее сына Святослава, отвергнувшего советы матери и нашедшего безвременную смерть.

Фигура патриарха так же является вставкой: действия патриарха и цезаря контаминированы (“...и блгсви ю птрархъ и отпусти ю...”, “...и реч црь... и отпусти ю нарекъ ю дъщерью собе...”, “... и блсви ю патрѣархъ. и иде с миромъ...”); этот персонаж связан с чтениями, разрывающими повествование, и дублированными чтениями: “...и блсви ю патрѣархъ. и иде с миромъ въ

свою землю. и приде Киеву...” и “Си же Ольга приде Киеву и присла к неи црь...” и др. Образом патриарха снимается противопоставление Руси и Византии, летописному рассказу придается христианское звучание.

Итак, исследование тезауруса летописной статьи выявило, что “Крещение...” осложнено одновременными вставками, актуализирующими различные интенции повествования, ориентирующие на сказания о становлении русской государственности и комплекс христианских текстов

соответственно. Первый слой, совмещающий библейскую образность и фольклорные элементы, построен по тезаурусной стратегии народного сказания “учреждение дани и распространение власти русского князя” и представляет собой рассказ о добыче Ольгой в Царьграде главного трофея – христианской веры: Ольга приходит в Царьград, чтобы креститься и тем самым положить конец языческой Руси; проходит испытание – обманывает лукавого цесаря; возвращается в Киев как христианка.

Другой пласт характеризуется прямой цитацией из библейских текстов. Выдержки из притчей противопоставляют жизненный путь Ольги, обретшей спасение души, и ее сына Святослава, не крестившегося и нашедшего безвременную кончину. На уровне библейской символики тезаурусная стратегия наполняется следующим образом: “крещеная Ольга возвращается в Киев – ссора с сыном – обретение Ольгой спасения, предвещающего спасение земли Русской”. Завершающая летописную статью речь Ольги “... аще Бъ хоцетъ помиловати ро^а моего и землѣ рꙋскиѣ да возложитъ имъ н срце шератити^с къ Бꙋ якоже мнѣ Бъ дарова... и се рекши молашеса за сна и за люди по вса ноци и дни...” [ЛЛ, с. 64] свидетельствует, что Ольга открывает путь спасения для Руси и совершает это по воле Господа. Ольга говорит, что Русь может быть крещена по божьей милости, однако во время составления летописного рассказа Русь уже была крещена, а значит – избрана богом, равно как избрана Ольга первой христианкой Руси.

Таким образом, второй, библейский, пласт как вневременной образец мотивирует пласт событийно-исторический. Поэтому Ольга и предлагает послам постоять у нее в Почаине, как она в Суду – с крещением Ольги по воле божьей центр православия перемещается с Царьграда в Киев, который становится столицей богом избранной Русской земли.

Строение тезауруса “Крещения Ольги...” свидетельствует, что использование тезаурусной стратегии мотивируется христианским мировоззрением, а именно христианской историософской концепцией.

События библейской истории представляются прообразом и исторического процесса вообще (от Ноя до Страшного суда), и отдельных исторических событий как микромоделей реальной истории, что предопределяет структурирование сообщений в ПВЛ в рамках абсолютной хронологической сети.

Прагматикон “Крещения...” характеризуется двумя векторами, имеющими различное происхождение и представляющими два пути утверждения Руси как мировой державы: принятием христианства Русь включается в Причерноморский культурный ареал; в набегах на Империю киевские князья завоевывают право быть независимыми и от власти василевса, и патриарха.

Итак, на уровне тезауруса с помощью методики синтагматической записи повествования было обнаружено повествовательное ядро – “поход Ольги на Царьград”, соответствующее интенции “Сказания о первых русских князьях”: распространение княжеской власти с севера на юг (напр.: греки маркированы в “Крещении...” как “чужие”). Повествование осложнено множеством цитат и аллюзий на христианскую литературу, а также вставками из народных преданий. Ссылки на библейские тексты обнаруживают два слоя: 1) цитаты из Нового Завета и библейские образы, связанные с иллюстрирующими повествование фольклорными преданиями об Ольге, акцентирующими противопоставление Руси и Византии; 2) вторичные по отношению к ним извлечения из Притчей, с помощью которых противопоставляется жизненный путь крестившейся Ольги и отвергнувшего крещение Святослава. На уровне прагматикона указанные текстологические пласты соответствуют двум способам становления Руси как мировой державы. Хотя в “Крещении...” и сохранились интенции внелетописных источников, летописная статья представляет собой единое целое (о чем свидетельствует сопоставление синтагматически свернутого повествования с частотными доминантами “Крещения...”) и в прагматическом плане

направлена на утверждение светской и духовной независимости Древней Руси.

2.7.3. Исследование лексических замен. Всего нами обнаружено 32 ЛЗ.

К ЛЗ уровня лексикона относим разночтения, затрагивающие языковое оформление письменного источника. Материал разночтений “Крещения...” позволяет выделить следующие группы ЛЗ.

1. Лексические замены, в которых нейтральная для ПВЛ лексема заменяется ее аналогом, маркирующим текст как религиозно-обрядовый: **РѢЩИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, Н1Ла, АЛ, С1Л) – **ГЛАГОЛАТИ** (Н1Лк): “и по крщньи возва ю црь и рече еи хощу ты пояти совѣ женѣ” [ЛЛ, с. 61]; **СЛОВЕСЫ** (Н1Лк) – **ГЛАГОЛАНИИ** (Н1Ла) – “пропуск” (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) во вставке в Н1Л: “И рече цесарь предстоящимъ тѹ велможамъ своимъ: “упремѹдри мя Олга словесы своими”; бе же она мѹдра словесы.” [Н1Л, с. 114]; **РѢЩИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Лк) – **ГЛАГОЛАТИ** (Н1Ла): “и рѣ емѹ людье мои пагани и снѣ мои. давы мя Бѣ сѣблюлѣ от всякого зла. ” [ЛЛ, с. 62]; **РѢЩИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, Н1Ла, АЛ, С1Л) – **ГЛАГОЛАТИ** (Н1Ла): “и рѣ кѣ словѣ. аще тѣ рѣци такоже постоиши ѹ мене в Почаине якоже азѣ в Бюдѹ то тогда ти дамь. и отпѹсти слы сѣ рѣкъши ” [ЛЛ, с. 63].
Нами зафиксирован также случай обратной мены: **ГЛАГОЛАТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л, Н1Ла) – **РѢЩИ** (Н1Лк): “и присла к неи црь Грѣчьскии гля. якѹ много дарихѣ ты. ты во гаше (Н1Лк: *еси рекла*) ко мне. якѹ аще возвращюся в Русь. много дары прѣсло ти челядь. воскъ. и сѣкрѹ.” [ЛЛ, с. 63].

В эту же группу включаем замену областной лексемы лексемой, соответствующей стандартному регистру книжно-письменного языка: **ПѢРЕКЛЮКАТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **УПРЕМУДРИТИ** (Н1Л): “и рѣ црь пѣреключала мя еси Ольга ” [ЛЛ, с. 61].

2. Лексические замены, в которых обновляется устаревшая лексика. **ИМѢТИ СЪХРАНИТИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – **СЪХРАНИТИ** (ИЛ): “

ре^ч птрархъ чадо верное во Крта кр^тилася еси и во Кр^та облечеся. **Х^съ имать схранити тя** ” [ЛЛ, с. 62]; терминообозначения **ОУСТАВЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – **ЧИНЪ** (С1Л): “ и ре^ч еи блг^{на} ты в жена^х Рүски^х... и заоведа еи о црквнмъ уставе” [14, с. 61] и **БОЛЯРЕ** (Н1Ла) – **ВЕЛЬМОЖИ** (Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “рече цесарь предстоящимъ т^у велможамъ своимъ: упремудри мя Олга словесы своими” [Н1Л, с. 114]; **ПРИЯТИ (СМЪРТЬ)** (ЛЛ, С1Л, Н1Лк) – **ОУМРЪТИ (СМЪРТЬЮ)** (ИЛ, РЛ, АЛ) – “пропуск” (Н1Ла): “якоже ре^ч. аще кто оца ли мтр^е не послушаетъ. но смрть приметь. се же к тому гневаш^еся на мтр^ь ” [ЛЛ, с. 63-64]; **ПРИИМАТИ** (ЛЛ), **ВНИМАТИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ВЛАГАТИ** (Н1Л) “и учашеть и мти кр^ти^тся. и не бежаше того ни во уши примати” [ЛЛ, с. 63]; **НЕ БРЕЖАТИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л, С1Л) – **НЕ БЪЖАТИ** (ЛЛ): “ и учашеть и мти кр^ти^тся. и не бежаше того ни во уши примати ” [ЛЛ, с. 63].

3. Лексические замены, в которых “уникальная” для ПВЛ лексема заменяется ее частотным аналогом: **ВЪДЪТИ**⁴⁴ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Лк) – **ВИДЪТИ**¹¹³ (Н1Л, С1Лo): “ невернымъ бо вера х^реянська уродство есть. не слышиша бо ни разумеша во тьме ходящии. и не вдять славы Г^{ня} ” [ЛЛ, с. 63]; **ВНИМАТИ**⁶ (ЛЛ, РЛ, АЛ, Н1Л, С1Л) – **РАЗОУМЪТИ**¹⁶ (ИЛ): “ре^ч бо Соломанъ делатели неч^тивыхъ делатель от разума понеже звахъ вы и не послушасте м^ене. построхъ словеса и не внимасте. но отметасте моя светы” [14, с. 63]; **ХОТЪТИ**¹⁶⁶ (**БЛАГОСЛОВИТИ**) (ЛЛ) – **ИМЪТИ**²¹ (**БЛАГОСЛОВИТИ**) (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л): “и ре^ч еи блг^{на} ты в жена^х Рүски^х. яко возлюби светъ. а тьм^у Остави. блг^вти тя хотять сн^ве Рүстии. и в последнии родъ внукъ твои^х” [ЛЛ, с. 61].

4. Лексические замены, восполняющие смысловые лакуны, возникшие при объединении различных источников и в ходе вторичного редактирования: **ОНЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Лк) – **ЦАРЬ** (Н1Ла): “ **В** лѣтѣ 5.ѳ.г Иде Ольга въ Греки. и приде Црюгороду ве тогда црь имянемъ **Цемьскии**. и приде к **нему** Ольга. ” [ЛЛ, с. 60]; **ОНА** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Ла) – **ОЛЬГА** (Н1Лк): “ и отпусти ю нарекъ ю дъщерью себе. **Она** же хотящи домови. приде къ “атреарху ” [ЛЛ, с. 61]; **ОНЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – **ДИАВОЛЪ** (С1Л): “и ре” птрархъ ... Хсѣ имать схранити тя. якоже схрани Еноха в первыя роды ... тако и тя избавить. от неприязни. и от сетии его” [ЛЛ, с. 61-62]; **ЕСТЬ(БОУТЬ)** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **ОНЪ** (РЛ, АЛ) – “пропуск” (Н1Л): “**Соломанъ** бо ре” кака и злыя приемлетъ себе досаженье обличая. нчѣтв поречеть тебе обличенья бо нечѣтвмъ мзолье **суть**” [ЛЛ, с. 64]; **ТОБЕ** (ЛЛ) – **СЕБЕ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Лк) – “пропуск” (Н1Ла): “**Соломанъ** бо ре” кака и злыя приемлетъ себе досаженье обличая. нчѣтв поречеть **тобе** обличенья бо нечѣтвмъ мзолье **суть**” [ЛЛ, с. 64]; **ТВОИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – **СВОИ** (ИЛ): “ре” во **Соломанъ** желанье. блгврнхъ наслаженьи дшю. и приложиши въ срце твое в разумъ” [ЛЛ, с. 62]; **ДОМОВИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, Н1Л) – **В ДОМ СВОИ** (АЛ) – **ВЪ СВОЯ СИ** (С1Л) – **КЪ СТРАНѢ СВОЕИ** (Н1ЛК) – **КО ГРАДУ СВОЕМУ** (Н1ЛА): “**Она** же хотящи **домови**. приде къ “атреарху блгѣвнъ” просящи на домъ”[ЛЛ, с. 61].

5. Лексические замены, вызванные меной «точки зрения» в повествовании, что привело к замене местоимений, указывающих на отдаленный объект, местоимениями, указывающими на близлежащий объект (данные ЛЗ обнаруживают ориентацию летописцев на комплекс текстов стандартного регистра, что противоречит общему направлению исторической адаптации ПВЛ): **ТОТЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Ла) – **СѢИ** (Н1Лк): “ **Она** же ре” како хочеши мя пояти крѣть мя самъ. и нарекъмъ тѣщерью. а въ хѣянехъ **того** не” закона ” [ЛЛ, с. 61]; **ТОТЪ** (ЛЛ, ИЛ,

РЛ, Н1Л, С1Л) – **СБИ** (АЛ): “и не бежаше того ни во уши примати. но аще кто хотяше крѣтитися не браняху но ругахуся тому невернымъ во вера хрѣянська уродьство есть” [ЛЛ, с. 63].

Итак, в целом замены лексикона отражают универсализацию лексики в рамках развивающегося жанра средневековой анналистики, а значит, гибридного регистра книжно-письменного языка. Для списков ПВЛ в “Крещении...” характерны установки: на обновление устаревшей лексики, компенсацию семантических лакун, снятие маркированных элементов, замену индивидуальных чтений на распространенные в ПВЛ. Включение в “Крещение...” маркеров текстов стандартного регистра затрагивает только списки Н1Л и свидетельствует о редакторской правке текста Н1Л

Рассмотрим ЛЗ тезауруса.

Лексическая замена **ИТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)/**ОТЪИТИ** (Н1Ла) – **ОТЪПҀСҀТИТИ** (Н1Лк): “и бл҃ви ю патрѣархъ. и иде (Ольга) с миромъ въ свою зем^{ао}. и приде Киеву ” [ЛЛ, с. 62] возникла под влиянием аналогичного чтения с субъектом действия – патриарх (“и бл҃г҃в” ю птрархъ и отп҃сти ю. и по крщньи возва ю црь ” [ЛЛ, с. 61]). Причиной правки, произведенной писцом Н1Лк, послужила разорвавшая связанное повествование цитата из Притчей. В ЛЗ **ВЛЬГА** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – **ВЛЕНА** (ИЛ): “си бо от възраста бл҃жная Вльга искаше мдр҃ью. все въ свете семь. налезе бисеръ многоцѣныхъ. еже есть Хс҃ъ” [ЛЛ, с. 62] под влиянием тематического чтения “бе же рѣно имя еи во крщньи **Влена** якоже и древняя црця мти **Великаго Костянтина**” [ЛЛ, с. 61] происходит замена мирского имени русской княгини именем, данным ей при крещении.

Ряд ЛЗ тезауруса демонстрирует отступление писцов от традиции христианских текстов под влиянием содержания конкретной летописной статьи: **СОВѢТЬ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Ла) – **СЛОВО** (Н1Лк): “рѣ во **Боломанъ** делатели неч҃тивыхъ делатель от разума понеже звахъ вы и

НЕ ПОСЛУШАСТЕ МѢНЕ. ПРОСТРОХЪ СЛОВЕСА И НЕ ВНИМАСТЕ. НО ОТМЕТАСТЕ МОЯ СВЕТЫ. МОИХЪ ЖЕ ОБЛИЧЕНИИ НЕ ВНИМАСТЕ. ВЪЗНЕНАВИДЕША БО ПРМДРОТЬ. А СТРАХА Г҃НЯ НЕ ИЗВОЛИША. НИ ХОТЯХУ МОИХЪ ВНИМАТИ СВѢТЬ. ПОДРАЖАХУ ЖЕ МОИ ОБЛИЧЕНЬЯ ” [ЛЛ, с. 63]; **ЗЛОБИВИИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **НЕЗЛОБИВИИ** (Н1Л, С1Л): “прмдротъ на исходищихъ поется. на путехъ же деръзновенье водить. на краихъ же забральныхъ прѡповедаеть. во врагехъ же градныхъ. дерзаючи глть. елико бо летъ **зловиви** держатся пѡ правдѹ” [ЛЛ, с. 62]; **КАЖА[И]** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – **КАКА** (ЛЛ): “Соломанъ бо ре^ч **кака** и злыя приемлетъ себе досаженье обличая. нч^{тв} поречеть тобе” [ЛЛ, с. 64]; **ЖѢНА** (РЛ, АЛ, Н1Л, С1Л) – **РУССКИЙ** (ЛЛ) – **КНЯЗЬ** (ИЛ): “ и ре^ч еи блг^{на} ты в **женах** Руски^х яко возлюби светъ. а тьмѹ остави. блг^{вти} тя хотять сн^{вѣ} Рустини. и в последнии родъ внѹкъ твои^х” [ЛЛ, с. 61]; или же порчу библейской цитаты: **ДЕЛАТЕЛЬ** (ЛЛ) – **ДАЛЕЧЕ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л): “ре^ч бо Соломанъ делатели неч^{тивыхъ} делатель от разума понеже звахъ вы и не послушасте мѢНЕ. прострохъ словеса и не внимасте” [ЛЛ, с. 63].

Таким образом, материал ЛЗ тезауруса “Крещения...” отражает разрыв связи летописной статьи с комплексом библейских текстов, что выражается в модификации «библейских чтений» под влиянием содержания летописной статьи и искажениях текста; а также выравнивании семантических “дефектов” протографов.

Лексические замены прагматикона в данной летописной статье объясняются неточностями хронологической сетки в данном фрагменте ПВЛ, что побудило писцов к самостоятельным историческим изыскам. В различных списках ПВЛ факт крещения Ольги возводится то ко времени правления Иоана Цимисхия, то Константина VII: **ЦѢМЬСКИ (ЧЕМЬСКИЙ ИОАНЪ)** (ЛЛ, Н1Л, С1Л) – **КОСТЯНТИНЪ** (ИЛ, РЛ, АЛ): “ В ле^т з.у.г Иде Ольга въ Греки. и приде Црюгородѹ ве тогда црь

имянемъ Цемьскни. и приде к нему Ольга. ” [ЛЛ, с. 60]; ГРЕЧЬСКИИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) ЧЕМЬСКИИ (Н1Л, С1Л): “Си же Ольга приде Киеву и присла к ней црь Гречьскни гля...” [ЛЛ, с. 62]; СЪЛЪ (ПОБОЛЪ) (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – БОЛОМЪРЪ (Н1Л): “отвещавши Ольга. и рече къ словь. аще ты рыци такоже постонши у мене в Починне якоже азъ в Бюду то тогда ты дамы” [ЛЛ, с. 63].

Таким образом, “Крещение...” не содержит ЛЗ, свидетельствующих о правке прагматикона: найденные ЛЗ затрагивают лишь временную атрибуцию летописной статьи.

Итак, в соответствии с избранным путем исследования был осуществлен анализ летописной статьи “Крещение княгини Ольги...”. На первом этапе исследования с помощью метода синтагматической записи нами выявлена тезаурусная стратегия “похода Ольги в Греки”, который в рамках летописной статьи за 955 г. был тематически (распространение христианства на Руси) контаминирован с фрагментом повествования о Святославе, что подтверждается материалом частотных доминант. На уровне тезауруса нами были обнаружены интенции повествования, которые восходят к различным текстологическим пластам и на уровне прагматикона соотносятся с двумя путями утверждения Руси как мировой державы: 1) набеги на Византийскую империю и 2) вход в круг христианских держав.

Тезаурусная стратегия “Крещения...” оказалась востребованной русской исторической мыслью, поэтому летописная статья 955 г. не подверглась существенной переработке или сокращению. Н1Л сохранила следы сверки текста по агиографическому источнику, однако основные списки ПВЛ и С1Л свидетельствуют о развитии языка “Крещения...” в пределах гибридного регистра, в отрыве от традиции христианских церковно-культовых текстов: летописи XIV – XV вв. отражают модернизацию библейских цитат, порчу их текста; обновление лексики “Крещения...”, ее универсализацию, выравнивание в соответствии с требованиями анналистического жанра.